

РЕЦЕНЗИИ

«ТЕКСТОВЗЫСКУЮЩИЙ ЭПОС» А. ПАРНИСА

Рецензия на сборник: *Авангард и остальное : сб. ст. к 75-летию А.Е. Парниса / под ред. Х. Барана, А. Лаврова и др. – М. : Три квадрата, 2013. – 800 с. – ISBN 978-5-94607-172-7.*

Евдокимова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: evdokim_lud@mail.ru.

A. PARNIS' "EPOS, SEARCHING TEXTS"

Evdokimova Lyudmila V., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: evdokim_lud@mail.ru.

Юбилейный сборник статей «Авангард и остальное» в честь Александра Ефимовича Парниса, изданный при финансовой поддержке Издательства им. Чехова (Нью-Йорк), впечатляет своим объёмом: в сборнике приняли участие более 48 авторов – коллеги из России, США, Украины, Швеции. Это подтверждает особую роль А. Парниса не только как одного из ведущих исследователей русского авангарда, но и удивительную способность юбиляра вовлекать людей в пространство своих научных разысканий. Он искренне недоумевает, как могут те, кто имеет какое-либо отношение к биографии и творчеству Велимира Хлебникова, избегать участия в процессе написания истории авангарда, для которой важно не упустить и мельчайшей детали. А. Парнис свой в этом «заумном» мире; он был знаком с современниками Хлебникова, которые лично знали поэта: Л. Брик, семьёй художника П. Митурича; состоял в переписке с Д. Бурлюком, Б. Зайцевым. «Уличить Парниса в неточностях по сути невозможно» (с. 58), – пишет Д. Горбачев, поражаясь «компьютерно-бесконечному объёму» памяти юбиляра. Горбачев отмечает, что, побуждая современников эпохи Серебряного века писать мемуары, А. Парнис вступает в диалог, а нередко и в полемику с мемуаристами, которым свойственна субъективность в воспроизведении событий многолетней давности, причём его комментарии всегда значительно превышают объём воспоминаний. В сборнике мы найдём выразительное подтверждение этой особенности А. Парниса как учёного.

В начале сборника помещено интервью А. Парниса, которое убеждает в том, что знаменитый исследователь остался верен своему призванию, несмотря на то что официальное литературоведение не всегда его жаловало. Он умел быть выше обид и разногласий.

Первый раздел сборника посвящён воспоминаниям друзей А. Парниса, многих из которых он заинтересовал хлебниковской поэзией и побудил внести свой вклад в хлебниковедение. Все авторы мемуаров (Т. Никольская, С. Дарсалия, А. Мамаев, Д. Горбачев, С. Митурич) отмечают известную особенность исследовательской деятельности А. Парниса – его эмоциональное, точнее, страстное, отношение к своему служению, искренний интерес к жизни других людей, неукротимую волю в достижении поставленных задач, самоотверженность и, как результат, – вызывающее восхищение, подробнейшее знание о жизни и творчестве представителей русского авангарда. Пожалуй, наиболее точное образное определение исследовательской работы А. Парниса предложил В. Скуратовский, охарактеризовав её как «текстовзыскующий эпос Александра Ефимовича, длившийся десятилетиями» (с. 38). Действительно, литературоведческие и искусствоведческие разыскания Парниса сопряжены с редким в наши дни служением по сохранению памяти, связи времён: он объединяет старшее и

младшее поколение не только хлебниковедов, но и близких поэта, провинцию и столицу, прошлое и настоящее. Так, публикации сборника напоминают о том, что благодаря А. Парнису завязалась переписка харьковского художника, лидера украинского авангарда В. Ермилова, друга Велимира Хлебникова, и Д. Бурлюка, были написаны воспоминания сестры К. Малевича, В. Зайцевой, о брате. В. Платонов, ученик В. Ермилова, поведал в мемуарах о своём знаменитом учителе. Н. Митурич, первая жена художника П. Митурича, описала «санталовский» период жизни Велимира Хлебникова; художник Ю. Анненков оставил воспоминания о Д. Бурлюке; М. Юнгрен взял интервью у Я. Лаврина. «Парнис восстанавливал связь высокой культуры с местом её возникновения, с почвой, её породившей» (с.11), – пишет Н. Котлерев, отмечая, что исследователь не отказывался от публикаций в мелких провинциальных изданиях и даже районных газетах, пробуждая интерес у местной интеллигенции к хлебниковской теме и умножая число своих сторонников. По мемуарам можно проследить исследовательские маршруты А. Парниса, не один раз повторившего пути Хлебникова. В разделе «Велимир и остальное» представлены репродукции 63 раритетов из личного архива А. Парниса. Это рисунки В. Хлебникова, автографы произведений поэта, письма, документы, фотографии, афиши, картины и иллюстрации В. Ермилова, М. Синяковой, М. Шагала, О. Розановой, Е. Гуро. Выставленная часть архива свидетельствует о многолетних кропотливых поисках.

Особый интерес вызывает второй раздел, посвящённый главному герою и предмету исследований А. Парниса («Велимир Хлебников и авангард»). Раздел открывают архивные публикации – исследовательский жанр, которому А. Парнис отдает явное предпочтение. Публикация И. Арской и И. Прониной «Общество художников "Союз молодёжи": из переписки 1912–1914 годов» не обошлась без поддержки А. Парниса, о чём комментаторы упоминают с радостной благодарностью. Письма знакомят с активной деятельностью организаторов творческого объединения: мецената Л. Жевержеева, художников, ныне почти забытых: И. Школьника, Э. Спандикова, С. Подгаецкого, И. Балльера. Ряд писем отражает непростые отношения «Союза» с поэтической группой «Гилея» и процесс вступления группы в объединение.

Публикация А. Крусанова и Т. Горячевой «Письма А.Е. Кручёных к М.В. Матюшину» добавляет малоизвестный штрих к биографии основоположника «зауми»: несмотря на то что Кручёных был вынужден зарабатывать себе на жизнь преподаванием рисования в провинциальных училищах на юге России, он не был оторван от культурной жизни столиц и оставался активным участником авангардного движения.

В статье «Янко Лаврин – панславист и друг футуристов» М. Юргген повествует о значимом периоде (1907–1917) жизни известного профессора русской литературы, акцентируя внимание на журналистской деятельности Лаврина в России и увлечении им панславянскими идеями, которые сблизили будущего литературоведа с Хлебниковым. Лаврин охарактеризован как уникальная личность, способная в эпоху интенсивных исканий в русском искусстве сочетать разнообразные интересы.

В статье автора первой научной биографии Хлебникова С. Старкиной «Велимир Хлебников в Петербурге – Петрограде» акцентирована хронология посещения поэтом северной столицы и определена интенсивность обращения Хлебникова к петербургской теме. Показав, что семантика петербургских текстов Велимира Хлебникова («Ночной обыск», «Тайной вечера глаз знает много Нева...») обогащена открытыми поэтом «законами времени», хлебниковед приходит к убедительному выводу: «Связь Хлебникова с Петербургом оказывается достаточно прочной и содержательной как для самого поэта, так и для города, для его культуры, для его мифа – текста – жизни» (с. 227).

Исследовательская работа Ж.-К. Ланна «Хлебников-будетлянин» имеет важное методологическое значение. Ж.-К. Ланн, анализируя отличие хлебниковского термина «будетлянство» от европейского «футуризм», показывает, что поэт не сводит будущее к статусу грамматической категории. «Будетлянство» происходит от названия утопической страны «Будетли», и частица «ли» привносит в неологизм свою «сомневающуюся силу и подрывающую мощь» (с. 233). Будущее будетлян не может окон-

чательно воплотиться. Будущее как эстетическая категория включено в настоящее художественного произведения и разрушает его структуру, выдвигая на первый план приёмы парадокса и противоречия. Неологизмы Велимира Хлебникова – это «парадоксальное включение будущего в настоящую, актуальную речь, которая включает в себя это новое слово и, благодаря его неосуществимому статусу, остаётся в области нереализуемого» (с. 234). «Поэтика имманентного движения», утверждает Ж.-К. Ланн, также определяет отношение к классической литературе, которая для будетлянина, вопреки эпатажным лозунгам, скрывает «внутреннюю семантическую активность» (с. 237).

«Своеси по сусекам» Г. Левинтона написаны в жанре исследовательской мозаики: в семи фрагментах автор щедро приводит тезисы, дополняющие работы хлебниковедов или содержащие новые идеи для анализа произведений поэта. Заметим, что каждый фрагмент может стать импульсом для исследования, равноценного научной статье. Г. Левинтон устанавливает современные Велимиру Хлебникову ассоциации с образами «Зверинца», фольклорные аналоги отдельных стихов «Игры в аду», идентифицирует необычный сказочный мотив в поэме «Лесная дева», дополняет имажинистский контекст хлебниковского «Москвы колымага...», рассматривает паронимическую пару «пей» и «пой», указывая, что поэтическое сближение смысла этих слов совпадает с научной этимологией.

Статья Х. Барана «Был ли Хлебников Кассандрой? Об одном предсказании главы будетлян» убеждает хлебниковедов в том, что даже на устоявшиеся интерпретации хлебниковского творчества возможен свежий взгляд и здесь не исключены открытия. Х. Баран анализирует известное высказывание Велимира Хлебникова, впервые появившееся в его брошюре 1912 г. «Учитель и ученик»: «Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?». Вариации этого пророчества присутствуют во второй редакции диалога (1913) и в знаменитой «Пощёчине общественному вкусу» (финальная заметка «Взор на 1917 год»). Литературовед скрупулёзно сравнивает публикации и выявляет различия, которые свидетельствуют о продолжающейся работе В. Хлебникова над вопросом о воздействии времени на судьбы народов и государств. При поддержке самого поэта и его окружения в хлебниковедении утвердилась точка зрения, согласно которой В. Хлебников, предвещая падение государства в 1917 году, имеет в виду Россию. Однако Х. Баран приходит к выводу, что контекст диалога противоречит данному прочтению, и утверждает, что Велимир Хлебников ожидал падения... Австро-Венгрии или Германии. Если это имело место, то перед нами характерный пример взаимодействия личного и коллективного мифотворчества, которое, как известно, подпитывало поэтическое видение литераторов Серебряного века.

С. Шаргородский («Безумство храбрых. Русский футуризм и дискурс вырождения: вокруг "Футуризма и безумия" Е. Радина») убеждён, что «дискурс вырождения» в культуре Серебряного века требует дифференциального подхода, который был проигнорирован современниками. Как показывает автор, для футуристов безумие было условным кодом, правилом общения с публикой, нарушения которого, т.е. переход в плоскость реальности, вызывали негативную реакцию. В работах Н. Баженова, А. Закржевского, Е. Радина в противовес банальным обвинениям М. Нордау «безумие» футуристов воспринималось как предвестие нового типа сознания, как метод мистического постижения мира.

Исследование Е. Баснер «Михаил Ларионов, Илья Зданевич и другие. "Акефалы" и "декакератисты" в 1913 году» посвящено необычному сотрудничеству И. Зданевича, который не проявил себя как авангардистский поэт или художник, и признанного авангардистского лидера, основателя лучизма М. Ларионова. Однако совместная деятельность была полезна для обоих. Благодаря скандальному участию в диспутах И. Зданевич реализовал свои жизненные амбиции и оставил след в истории отечественной культуры. Интрига заголовка статьи, вызывающего ассоциации с заумными словами, раскрывается в финале публикации, когда Е. Баснер находит неожиданное объяснение загадке псевдонима «Варсанофий Паркин», которым была

подписана совместная – И. Зданевича и М. Ларионова – статья об авангардистских группах.

В публикации Т. Горячевой «"Соединяет нас междуособная любовь...": К. Зданевич, А. Кручёных и К. Бальмонт. Об одном тифлисском рисунке К. Зданевича» рисунок К. Зданевича «Экзотический поэт» рассматривается как шарж на символизм. В этом убеждает монтажное построение рисунка, который представляет собой «цитаты» известных художественных изображений, объединённых в жанре футуристического лубка. Так, художник пародирует обложку З. Фидуса к сборнику К. Бальмонта «Будем как солнце» (1903). Изображения чертей напоминают иллюстрации Н. Гончаровой к поэме А. Кручёных и В. Хлебникова «Игра в аду». Фрагмент рисунка с козой отсылает к многочисленным шаржам на В. Брюсова в связи с его стихотворением «In hac lastigatum valle» (1903). Кроме того, рисунок «Экзотический поэт» охарактеризован автором публикации и как авангардистский автошарж. Двухнаправленный юмор рисунка обоснованно вписан Т. Горячевой в контекст неоднозначных отношений символистов и футуристов: конфронтация как норма корпоративного поведения не мешала проявлению взаимного уважения в профессиональных оценках, в общественной поддержке и (пусть редком!) сотрудничестве.

Юбилейный сборник также включает разделы «Культура Серебряного века», «Литература и культура XX века», «Искусство: история и теория», которые представлены замечательными исследованиями известных ученых: К. Азадовского, Р. Тименчика, А. Кобринского, Н. Богомолова, И. Смирнова, Ю. Фрейдина, Ш. Дуглас, Д.Э. Боулга, И. Вакар, А. Шатских и др. Однако жанр рецензии не позволяет охарактеризовать все работы, и дальнейший обзор, скорее, отражает предпочтения рецензента, стремящегося познакомиться с публикациями, которые могут быть востребованы прежде всего филологами-преподавателями.

Раздел «Культура Серебряного века» открывает работа А. Грачевой «"Путеводитель по картинной галерее Императорского Эрмитажа" А.Н. Бенуа как текст Серебряного века». Автор показывает, что «Путеводитель...» известного художника не только сохраняет основные признаки жанра научно-популярной литературы, но и является литературно-публицистической работой, поскольку выражает символистскую концепцию теургической роли искусства, призванного восстановить исходное «бытие в Красоте» – утраченный синтез материального и идеального начал. В новом ракурсе представлены пересмотренные и прокомментированные главы мемуаров В. Гартевельд в публикации В. Терехиной «"Все мы бражники здесь, блудницы...": Ахматовские сюжеты в воспоминаниях Веры Гартевельд». В предисловии литературовед акцентирует биографические реалии, мотивы и образы творчества Ахматовой (флакон духов, чёрная роза в бокале, персонажи итальянской комедии дель арте и др.), которые присутствуют в публикуемых воспоминаниях и перекликаются с мемуарами других поэтов Серебряного века.

В статье «Владимир Набоков в поисках утраченного времени» из раздела «Литература и культура XX века» А. Лавров размышляет о подтекстах рассказа В. Набокова «Забывтый поэт» (1944), проводит параллели между сюжетной линией рассказа, образом главного героя, поэта Перова, и биографией, психологическим портретом Ивана Коневского, поэта Серебряного века (1877–1901). Однако А. Лавров отказывается от прямолинейности соответствий; характерный для Набокова приём подмены, контаминации образов выражается в том, что указанная подтекстовая линия осложняется смысловым уровнем, который формируют ассоциации, отсылающие к биографии самого Набокова.

В публикации «Встреча после столетнего перерыва» из раздела «Искусство: история и теория» Д. Сарабьянов, обращаясь преимущественно к материалу выставки «Футуризм. Радикальная революция. Италия – Россия» (Москва, 2008), сопоставляет творчество итальянских и русских живописцев, акцентируя как общие черты, так и различия итальянского и русского футуризма. Завершается статья заслуживающим внимания обобщением относительно смены творческих поколений в западноевропейском и русском искусстве. Для первого характерен «принцип позитивной ориен-

тации» на творчество предшественников; в русском искусстве, напротив, наблюдается резкое отрицание предшествующего национального опыта. Д. Сарабьянов убеждает в импульсивности развития русской культуры: «Скачкообразный способ движения соседствовал с медлительностью и застоём... Но, догоняя, русское искусство предлагало свой неповторимый вариант той образной концепции или того художественного открытия, которое незадолго до этого утвердилось в мировом искусстве как последнее слово творческой мысли. Эта своеобразная привычка смотреть на происходящее из второго ряда, сначала ученически усваивать все то, что достигнуто в ряду первом, а затем делать свои выводы и предлагать оригинальные решения, которые иной раз осуществляют прорыв в будущее, сопровождает историко-художественный процесс в России» (с. 656).

Публикации сборника, принесённые в дар А. Парнису, отличаются тематическим разнообразием, что соответствует многоаспектности научных интересов юбиляра. Характерно, что главной фигурой исследований А. Парниса стал Велимир Хлебников, которого отличала способность сплавить в художественном образе миф, математические вычисления, живописные образы, географические детали... Исследовательская страсть А. Парниса к хлебниковскому творчеству – это, по словам В. Скуратовского, «встреча молодого исторического инстинкта, стремительно становящегося "вспомогательного чувства" с его гносеологическим близнецом, но уже гениальным» (с. 37–38). Действительно, широтой своих познаний А. Парнис как исследователь конгениален В. Хлебникову, а это редкое качество хлебниковеда.

Воздав почести юбиляру, мы можем поздравить филологов и искусствоведов с выходом в свет замечательного сборника работ о русском авангарде и его исследователях и поблагодарить составителей и редакторов издания. Теперь внушительный «Хронологический указатель трудов и выступлений (1965–2012) А.Е. Парниса», включающий около 380 наименований, должен быть дополнен публикацией юбиляра из посвящённого ему сборника. Эпос А. Парниса продолжается...